

**И.Э. Стрелец,
Д.С. Мухортов**

**I. Strelets,
D. Mukhortov**

**ЭММАНЮЭЛЬ МАКРОН:
ПОЛИТИКО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРОФИЛЬ
«НАЗНАЧЕННОГО
ЛИДЕРА»**

**EMMANUEL MACRON:
A POLITICAL
PSYCHOLOGICAL PROFILE
OF AN 'APPOINTED
LEADER'**

Аннотация

На основе анализа корпуса интервью и публичных выступлений Э. Макрона (2017–2026 гг.) в статье реконструируется политико-психологический профиль президента Франции. Рассматривается специфика политической устойчивости Э. Макрона, который сохраняет власть, несмотря на массовые протесты и низкие рейтинги. Выявляются противоречия в его поведении, обусловленные сочетанием «юпитерианского» стиля правления (дистанцирование от оппонентов, гиперцентрализация власти, минимизация роли посреднических институтов) с апелляцией к «близости к народу». Цель исследования — выявление личностных черт, определяющих политическое поведение Э. Макрона, и введение аналитической категории «назначенный лидер», под которым понимается политик, чья власть держится не на электоральной поддержке, а на функциональности для элит. Теоретико-методологическую основу образуют психобиографический метод, психоаналитическая традиция (З. Фрейд, А. Адлер, Х. Кохут, Дж. Боулби) и концепция политического этоса П. Розанваллона. Психоаналитические концепты используются как эвристическая модель, а не для клинической диагностики. Эмпирическую базу составил корпус из 21 интервью Э. Макрона за 2017–2026 гг. Использованы качественный контент-анализ речевых маркеров и вторичный анализ данных о невербальном поведении политика. Выявлены основные характеристики личности Э. Макрона: а) технократический нарциссизм, проявляющийся в неспособности (или нежелании) признавать ошибки и в использовании лексики долженствования;

Abstract

Based on an empirical analysis of a corpus of interviews and public speeches by E. Macron (2017–2026), this article reconstructs the political-psychological profile of the French President. It examines the specificity of Macron's political resilience – his ability to retain power despite mass protests and low approval ratings. The study identifies contradictions in his behavior stemming from the combination of a "Jupiterian" style of governance (distancing from opponents, hyper-centralization of power, minimization of intermediary institutions) with appeals to "closeness to the people."

The aim of the study is to identify the personality traits shaping E. Macron's political behavior and to introduce the analytical category of the "appointed leader" – a politician whose power rests not on electoral support but on his functionality for elite groups.

The theoretical and methodological framework integrates the psychobiographical method, the psychoanalytic tradition (S. Freud, A. Adler, H. Kohut, J. Bowlby), and P. Rosanvallon's concept of political ethos. Psychoanalytic concepts are employed as a heuristic model rather than for clinical diagnosis. The empirical base consists of a corpus of 21 interviews with E. Macron conducted between 2017 and 2026. The study employs qualitative content analysis of speech markers and secondary analysis of data on the politician's nonverbal behavior. The results reveal key personality characteristics of E. Macron: a) technocratic narcissism, manifested in the inability (or unwillingness) to admit mistakes and the use

б) высокий уровень самоконтроля, позволяющий быстро переключаться между поведенческими масками; в) двойственное отношение к соратникам, в частности премьер-министрам – одновременно потребность в них как сильных фигурах и боязнь их как потенциальных политических соперников; г) тактильность как инструмент доминирования и возникновение чувства уязвимости при отказе в ней. Зафиксировано отсутствие публичных извинений в указанном корпусе интервью, что интерпретируется как проявление нарциссических защитных механизмов.

Политическая устойчивость Э. Макрона объясняется тем, что элиты «держат» его как предсказуемого менеджера, проводящего неолиберальную повестку и не создающего собственной партийной альтернативы.

Ключевые слова:

политическая психология, Э. Макрон, психобиографический метод, назначенный лидер, нарциссизм, поведенческая гибкость, тактильность, кризисная коммуникация, Франция.

of deontic language; b) high self-monitoring, enabling rapid switching between behavioral masks; c) ambivalent attitudes toward associates, particularly prime ministers – simultaneously needing them as strong figures while fearing them; d) tactility as a tool of domination and the emergence of vulnerability when tactile contact is denied. The absence of public apologies across all 21 interviews is recorded, interpreted as evidence of narcissistic defense mechanisms.

The conclusions explain E. Macron's political resilience by the fact that elites "keep" him as a predictable manager implementing a neoliberal agenda and creating no party alternative of his own.

Key words:

political psychology, E. Macron, psychobiographical method, appointed leader, narcissism, behavioral flexibility, tactility, crisis communication, France.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-145-176>

Политическое лидерство в XXI в. все чаще требует анализа не только институциональных решений и программных документов, но и личностных черт актора. От уровня рефлексии политика и соответствия его качеств масштабу решаемых задач в значительной мере зависят результаты его деятельности. Эмманюэль Макрон, президент Франции с 2017 года, представляет собой уникальный кейс для политико-психологического исследования: он получил элитное образование (Национальная школа администрации, ENA), его карьера отмечена стремительным взлетом, на протяжении всего времени он сохраняет популистскую риторику, несмотря на серию кризисов.

Феномен Э. Макрона анализируется в российской науке с разных позиций. Биографические данные Т.В. Зверевой (Zvereva, 2017) фиксируют его карьерный старт. А.С. Шмандурова (Shmandurova, 2023) показывает, что его образ конструируется в оппозиции к национал-консерваторам (М. Ле Пен, Э. Земмур), которые критикуют его за «технократический либерализм» и «отрыв от народа». Е.Н. Куралесина (Kuralesina, 2019) анализирует языковую политику Э. Макрона, в которой его амбиции по укреплению позиций

французского языка на мировой арене проходят серьезное испытание, поскольку повсеместно доминирует английский. А.Ю. Чихачев (Chikhachev, 2018; 2022) сосредотачивается на внешнеполитических аспектах президентства Э. Макрона: выделяет особенности дипломатического стиля и указывает на двойственность проведения внешней политики, сочетающей попытки диалога с Москвой с лояльностью евроатлантическим союзникам. В.Н. Чернега (Chernega, 2024) анализирует электоральную стратегию Э. Макрона накануне выборов в Европарламент. Наконец, Е.С. Желтова (Zheltova, 2020) анализирует политическую культуру Франции и «новую формулу власти» Э. Макрона, показывая, что она является не столько личным успехом, сколько реакцией на системный кризис.

Отдельного внимания заслуживает французская исследовательская традиция, рассматривающая макронизм не столько как результат индивидуальной биографии, сколько как системный ответ на кризис Пятой республики. В работах М. Жоли (Joly, 2024) феномен Э. Макрона анализируется через призму «нарциссической перверсии», что представляет собой попытку интерпретации политического стиля через психоаналитическую оптику. М. Жоли характеризует Э. Макрона как лидера, чья политика определяется «перверсивным отношением к реальности», при котором политические решения подчинены не логике общественного блага, а логике сохранения нарциссического равновесия. В отличие от этого подхода в данном исследовании принято решение сознательно отказываться от клинических диагнозов и фокусироваться на эмпирически наблюдаемых речевых паттернах.

Ж. Грюнберг (Grunberg, 2022) помещает Э. Макрона в контекст «цезаристской» традиции французской политики (Наполеон, Бонапарт, де Голль), но приходит к выводу, что Э. Макрону, в отличие от его предшественников, не хватает харизматического доминирования, а его подход внутренне противоречив: он критикует политический класс, но при этом не имеет массовой поддержки. О. Руа (Roy, 2022) характеризует победу Э. Макрона в 2022 г. как «победу через поражение» («He won by losing»), подчеркивая, что президент удержался у власти не благодаря росту популярности, а исключительно из-за неприемлемости альтернативы (М. Ле Пен) для большинства избирателей. Г. Гудлифф (Goodliffe, 2025) рассматривает Э. Макрона как «политического предпринимателя», использовавшего европейскую интеграцию для переформатирования французской партийной системы, что привело к «разморозке» традиционных политических расколов.

Настоящее исследование дополняет эти системные объяснения, фокусируясь на политико-психологическом измерении устойчивости Э. Макрона. В статье показывается, как его личностные черты – технократический стиль, амбивалентная привязанность, нарциссические защиты – делают его предсказуемым и утилитарным для элит, что позволяет ему оставаться у власти даже при минимальной электоральной поддержке.

Как справедливо замечает Е.Б. Шестопал (Shestopal, 2023), современные политические лидеры действуют в условиях парадоксального сочетания высокой персонализации власти и растущего недоверия к политическим институтам. Это противоречие особенно отчетливо проявляется в институте французского президентства, которое подвержено воздействию индивидуальных особенностей руководителей страны.

Исследовательский вопрос данной работы состоит в том, какие устойчивые личностные черты Э. Макрона определяют его политическое поведение и как они связаны с его ранней социализацией и последующими кризисными коммуникациями. Актуальность исследования обусловлена тем, что в российской политологии еще не выполнялся психобиографический анализ этого французского президента, а также не было попыток изучения обширного эмпирического материала, связанного с его публичной риторикой. Объяснение противоречий в его поведении на протяжении всего периода нахождения у власти отмечалось не раз и экспертами и журналистами, но до сих пор оно не было системным. Научная новизна заключается: а) во введении и операционализации понятия «назначенный лидер» (разработаны пять эмпирически верифицируемых критериев) и б) в применении данного понятия к анализу корпуса спонтанных выступлений Э. Макрона (2017-2026 гг.), в результате чего становится возможным проведение реконструкции политико-психологического профиля политика данного типа. В статье выдвигается гипотеза, что стиль лидерства Э. Макрона является результатом компенсаторного нарциссизма, сформированного в раннем возрасте, и высокого уровня самоконтроля, позволяющего ему быстро переключаться между разными поведенческими масками.

Теоретическую рамку исследования образуют три подхода. Во-первых, психоаналитическая традиция (Adler, 1997; Freud, 2010; Kohut, 2003; Bowlby, 2003), примененная для анализа ранней социализации, нарциссических паттернов и типов привязанности. Во-вторых, психобиографический метод (Egorova-Gantman, 1994) как основа для реконструкции личностного

профиля политика. В-третьих, концепция политического этоса П. Розанваллона (Rosanvallon, 2011), используемая точечно — для объяснения противоречия между «юпитерианским» дистанцированием и апелляцией к близости.

Для систематизации эмпирического анализа была разработана следующая процедура:

1) контент-анализ лексики долженствования: фиксировались частотность и контекст употребления конструкций «il faut», «nous devons», «je dois/veux» по всему корпусу для выявления динамики субъектности;

2) анализ нарциссических защит: операционализация проводилась через поиск следующих речевых маркеров (Kohut, 1971; Horowitz & Arthur, 1988): а) отрицание критики через обесценивание источника («это неважно», «меня это не интересует»), б) переопределение негативных ярлыков в позитивные («авторитарный» как «решительный»), в) экстернализация вины;

3) невербальные паттерны анализировались с опорой на вторичные данные (Faye & Thiam, 2022; Amaral & Antunes, 2025) с кросс-верификацией по открытым видеоисточникам для подтверждения описанных жестов и тактильных паттернов.

Следует отметить, что термин «нарциссическая структура» используется в работе не как клинический диагноз (что не представляется возможным без прямого тестирования), а как эвристическая модель, описывающая устойчивый стиль лидерства и особенности реагирования на стресс, характерные для данного политика.

Эмпирическую базу исследования составили спонтанные выступления Э. Макрона (интервью, неформальные речи) в период 2017-2026 гг. Их отбор осуществлялся по трем критериям: 1) хронологическая репрезентативность – включены основные периоды президентства (начало первого срока, кризис «желтых жилетов», пандемия, предвыборные кампании 2022 и 2027 гг., политический и институциональный кризис 2024-2026 гг.); 2) тематическая репрезентативность – интервью охватывают основные сферы политической деятельности (внешняя политика, экономика, внутренние социально-политические катаклизмы); 3) доступность стенограмм – для верификации цитат использовались только публично доступные источники. В общей сложности был сформирован корпус из 21 интервью (полный перечень представлен в табл. 1).

Таблица 1. Корпус интервью Э. Макрона (2017–2026 гг.)

Шифр	Дата	Издание / Собы- тие	Тематика
I-M-2017-DS	13.10.2017	DER SPIEGEL	Начало срока, Европа
I-M-2017-LF	29.06.2017	Le Figaro	Первое интервью после избрания, Европа, Россия, Сирия
I-M-2019-TE	07.11.2019	The Economist	Кризис НАТО, стратегическая автономия, Россия
I-M-2019-TIME	Сент. 2019	TIME	Желтые жилеты, реформы, кризис демократии
I-M-2020-LGC	16.11.2020	Le Grand Continent	Пандемия, стратегическая автономия
I-M-2020-AJ	31.10.2020	Al Jazeera	Карикатуры, светскость
I-M-2021-CBS	18.04.2021	CBS (Face the Nation)	Украина, «красные линии»
I-M-2022-LD	03.06.2022	La Dépêche du Midi	«Не унижать Россию»
I-M-2022-LP	Март 2022	Le Parisien	Предвыборное, война на Украине
I-M-2023-HD	04.09.2023	HugoDécrypte	Молодежь, ментальное здоровье
I-M-2023-PI	09.04.2023	Politico	Стратегическая автономия, Тайвань
I-M-2023-TF1	24.09.2023	TF1/France 2	Иммиграция, инфляция
I-M-2024-BB	2024	Bloomberg	Экономика, конкуренция с США/Китаем
I-M-2024-DM	14.03.2024	TF1/France 2	Украина, «стратегическая неопределенность»
I-M-2025-BBC	2025	BBC	Глобальные вызовы, технологии
I-M-2025-CBS	21.09.2025	CBS (60 Minutes)	Украина, Ближний Восток
I-M-2025-RTL	25.11.2025	RTL	Украина, бюджет, Россия
I-M-2025-TF1LCI	19.08.2025	TF1-LCI	Вашингтонский саммит
I-M-2026-ARCVS	07.01.2026	Le Monde/AFP	Похороны Б. Бардо
I-M-2026-RS	19.02.2026	Raj Shamani (podcast)	Искусственный интеллект, Индия
I-M-2026-TM	Март 2026	TranscriptMate	Признание Палестины, Газа

Каждому интервью присвоен шифр (например, I-M-2017-DS), на который даются ссылки в тексте статьи.

Ранняя социализация и формирование нарциссической структуры

Эмманюэль Жан-Мишель Фредерик Макрон родился 21 декабря 1977 года в Амьене. Его отец, Жан-Мишель Макрон, профессор неврологии в Университетском госпитале Амьена; мать, Франсуаза Макрон-Ногэ, врач-консультант в системе социального страхования. Оба родителя были погружены в интенсивную профессиональную деятельность (Zvereva, 2017), что,

согласно концепции А. Адлера (Adler, 1997), могло создавать дефицит внимания, при котором ребенок, стремясь привлечь внимание значимых взрослых, формирует гипертрофированную потребность в подтверждении собственной исключительности. У Э. Макрона есть младшие брат и сестра. Лоран Макрон стал кардиологом. В отличие от Эммануэля, который был сосредоточен на учебе и немного замкнут, он, по свидетельству знакомых, активно занимался спортом, был очень общительным и легко находил друзей. Эстель стала врачом-нефрологом, но в отличие от братьев выбрала полную приватность, даже отсутствовала на инаугурации брата в 2017 г. и до сих пор избегает совместных выходов.

Главную роль в социализации Э. Макрона сыграла бабушка по материнской линии – Жермен Ногэ, преподавательница географии, занимавшаяся с внуком после уроков. Как пишет Франсуаза Макрон-Ногэ, именно бабушка впервые разглядела в нем необычные способности и поддерживала его интеллектуальное развитие (Zvereva, 2017). В автобиографии «Революция» (2016) Э. Макрон посвящает бабушке шесть страниц, тогда как маме – лишь два абзаца. Этот диспропорциональный объем является маркером смещения первичного объекта привязанности. Согласно Дж. Боулби (Bowlby, 2003), формирование первичной к бабушке, а не к родителям, может приводить к амбивалентному типу отношений во взрослом возрасте: страх перед близостью сочетается с гипертрофированной потребностью в признании и поддержке со стороны значимых других.

В шестнадцать лет Э. Макрон влюбился в свою сорокалетнюю замужнюю учительницу драматического кружка Брижит Тронье. Мать Э. Макрона призналась журналистке Анн Фульда, автору биографии «Эммануэль Макрон: идеальный молодой человек», что, узнав правду, они были в шоке (Fulda, 2017). Отец, Жан-Мишель Макрон, встретился с Брижит и попросил ее не встречаться с сыном до его совершеннолетия, но получил отказ (Fulda, 2017). Именно после этого родители приняли решение отправить сына доучиваться в лицей Анри-IV в Париж, чтобы разлучить их (Fulda, 2017). С точки зрения психологии, этот эпизод демонстрирует сверххранную фиксацию цели и абсолютную уверенность в себе, характерную для нарциссической структуры: Э. Макрон не сомневался, что добьется запретного – и в личной жизни, и в политике.

Показательным актом нарциссической самопрезентации стал выпуск автобиографической книги «Революция» в ноябре 2016 г. – за полгода до

президентских выборов, когда он еще не был главой государства. При этом данный шаг был не только проявлением нарциссического нарратива, но и частью целенаправленной предвыборной стратегии: в отсутствие партийной машины и институционального бэкграунда Э. Макрон использовал книгу как инструмент прямого позиционирования себя в качестве «человека миссии», что позволило ему компенсировать дефицит политического опыта через создание харизматического образа. В мировой политической практике подобные «откровения» до избрания – крайне редкое явление, обычно встречающееся у поп-звезд или медийных личностей. Книга была воспринята критиками как попытка искусственно создать «великий нарратив» о себе – пророческий, который спустился с горы, чтобы спасти Францию. Она была встречена насмешками со стороны левых журналистов, но это не помешало ей стать бестселлером.

Учеба в Sciences Po и ENA интегрировала Э. Макрона во французскую элиту. После окончания ENA он пошел не на государственную службу, а в инвестиционный банк «Rothschild», где за четыре года заработал около €2,9 млн и приобрел репутацию талантливого финансиста. Этот период, по мнению ряда исследователей, сформировал его стиль управления, основанный на финансовой логике, а не на политических компромиссах.

Как отмечает С. Реншон (Renshon, 1996), анализ политических амбиций через призму ранней социализации позволяет выявить устойчивые темы, которые впоследствии находят выражение в политическом поведении. В случае Э. Макрона такими темами выступают стремление к признанию и фиксация на ранней цели.

При интерпретации биографических данных следует признать существование методологических ограничений: биографические нарративы (включая автобиографию «Революция» и работы А. Фульды) являются сконструированными текстами, отражающими не столько объективную реальность, сколько желаемый образ политика, создаваемый командой спичрайтеров и политтехнологов. В данном анализе эти нарративы рассматриваются не как «истина о прошлом», а как тексты, раскрывающие субъективную логику самопрезентации Э. Макрона и его окружения. С этой оговоркой анализ ранних лет позволяет реконструировать темы, которые впоследствии находят вербальное выражение в его публичной риторике, однако выводы о прямой каузальной связи между дефицитом внимания в детстве и политическим стилем являются гипотетическими и требуют дальнейшей верификации.

Соответственно, в данном исследовании теория привязанности используется не для реконструкции реального типа привязанности Э Макрона (что потребовало бы клинического интервью), а для выявления устойчивых тем в его автобиографическом нарративе, которые резонируют с его публичным поведением.

Динамика вербального стиля и нарциссическая защита Э. Макрона

Вербальный стиль Э. Макрона не является статичным. На протяжении двух с половиной президентских сроков его речевые практики существенно эволюционировали, отражая как адаптацию к кризисным вызовам, так и нарастание нарциссической ригидности. В результате анализа интервью стало возможным выделить три основных измерения этой динамики: 1) трансформация лексики долженствования, 2) совершенствование навыков парирования прямой критики и 3) дихотомичность тактильной мягкости в адрес «конкретного Другого» и вербальной жесткости в адрес «абстрактного Другого» (оппозиции, профсоюзов, «системы»).

Э. Макрон последовательно использует модальные конструкции необходимости и долженствования («il faut», «nous devons», «je dois»), однако то, кто именно должен действовать и как это преподносится, менялось в зависимости от политического контекста.

В ранних интервью Э. Макрона (2017-2022 гг.) доминирует конструкция «nous devons» («мы должны»). В беседе с немецким изданием «DER SPIEGEL» [I-M-2017-DS] он заявляет: «Nous devons convaincre l'Allemagne de réformer la zone euro» («Мы должны убедить Германию реформировать еврозону»). Местоимение «мы» здесь выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно включает в «команду реформаторов» всех европейцев, с другой, – снимает с президента полную ответственность за непопулярные меры. Как показывает теория дискурс-коалиций М. Хайера (Hajer, 1993), формирование общего нарратива («storyline») позволяет актерам с разными интересами объединиться вокруг определенного понимания проблемы и позиционировать себя как носителей перемен. Такая стратегия характерна для начала политического цикла, когда лидер стремится конструировать образ «коалиции перемен».

В интервью периода пандемии и первых месяцев войны на Украине (2020-2022 гг.) частотность безличного оборота «il faut» резко возрастает

(42 случая по всей выборке, пик приходится именно на этот период). В отличие от «nous devons», оборот «il faut» не называет субъекта действия и переносит источник необходимости вовне - на «обстоятельства», «исторический момент», «вызовы эпохи». Психологически это позволяет политику выглядеть не инициатором непопулярных мер, а «голосом реальности», который лишь констатирует то, что «и так нужно сделать».

Начиная с 2024 г., в интервью Э. Макрона фиксируется новый паттерн: он все чаще говорит от первого лица единственного числа, используя глаголы волеизъявления. Этот переход показывает, что с течением времени Э. Макрон все чаще прибегает к прямым волевым заявлениям, компенсируя этим потерю политического контроля. Чем больше внешние обстоятельства сопротивляются его воле (падение рейтингов, парламентский кризис, протесты), тем настойчивее он говорит от первого лица единственного числа, как бы утверждая: «я еще здесь, я все еще решаю», т.е., согласно концепции Х. Кохута (Kohut, 2003), как нарциссическая личность он чаще допускает прямолинейные, волевые фразы как способ защиты от переживания собственного бессилия.

Главным индикатором психологического профиля лидера является не то, что он говорит в спокойной обстановке, а то, как он реагирует на прямой вызов. Анализ кризисных фрагментов интервью позволяет выделить у Э. Макрона три устойчивые техники нарциссической защиты.

В интервью [I-M-2019-TIME], посвященном кризису «желтых жилетов», журналист спрашивает Э. Макрона, не оторвался ли он от народа. В разгар кризиса рейтинг доверия к президенту составлял 23%, самый низкий показатель с момента его избрания. Ответ Э. Макрона: «Jamais je n'ai été aussi proche des gens que dans ces débats» («Я никогда не был так близок к людям, как в ходе этих дебатов»). Вместо признания дистанции Э. Макрон переворачивает обвинение в самовосхваление. Эта техника соответствует классическому описанию нарциссической защиты как «превращения пассивного в активное» (Horowitz & Arthur, 1988): обвинение в отрыве от народа превращается в утверждение об исключительной близости.

В интервью [I-M-2025-RTL] ведущий напоминает Э. Макрону о рекордно низком уровне доверия к нему как президенту (согласно опросам, 15%). Ответ: «Les sondages ne m'intéressent pas. Ce qui m'intéresse, c'est la France» («Рейтинги меня не интересуют. Меня интересует Франция»). Здесь работает механизм обесценивания: эмпирический факт (низкая поддержка) объявля-

ется нерелевантным для президентской деятельности. Аналогичная стратегия фиксировалась и в более ранних интервью: Э. Макрон систематически отказывается обсуждать собственную популярность, переопределяя критерии успеха («важны не рейтинги, а реформы»).

В подкасте [I-M-2026-RS] ведущий задает прямой вопрос: «Вас называют авторитарным президентом. Что вы на это скажете?» Ответ: «C'est parce que je prends des décisions. Les faibles ne prennent pas de décisions» («Это потому, что я принимаю решения. Слабые не принимают решений»). Вместо защиты или опровержения Э. Макрон принимает ярлык «авторитарный», но переозначивает его как позитивное качество («решительность»). Эта техника, известная в психологии как «переопределение» (reframing), позволяет нарциссической личности не только избегать стыда, но и извлекать нарциссическое удовлетворение из обвинения: «я их всех переиграл, я оказался умнее».

Все три техники объединяет общий механизм: они позволяют Э. Макрону сохранять образ всемогущества, не вступая в содержательную полемику. Вместо диалога с критикой он либо переопределяет ее смысл, либо объявляет нерелевантной, либо превращает обвинение в комплимент. Это классический паттерн нарциссической защиты, который, согласно Х. Кохуту (Kohut, 2003), направлен не на решение проблемы, а на восстановление нарушенного нарциссического равновесия. Показательно, что ни в одном из проанализированных интервью Э. Макрон не использует конструкций, предполагающих рефлексию над собственной позицией («возможно, я ошибаюсь», «стоит пересмотреть подход»), что подтверждает ригидность его когнитивного стиля.

А.Ю. Ермина на материале когнитивно-метафорического анализа дискурса Э. Макрона показала, что он систематически использует метафоры войны и спорта (Ermina, 2021). В проанализированном корпусе регулярно встречаются лексемы «покорять» (conquérir), «побеждать» (vaincre), «схватка» (combat), «битва» (bataille). В интервью [I-M-2024-DM], комментируя возможность отправки войск на Украину, он утверждает: «Nous sommes prêts à utiliser les moyens nécessaires pour atteindre notre objectif» («Мы готовы использовать все необходимые средства для достижения нашей цели»). В интервью [I-M-2022-LP] он называет президентскую кампанию «битвой идей».

Метафоры войны формируют образ лидера-воина, который ведет свою страну к победе, несмотря на сопротивление «внутренних врагов» (оппозиции, профсоюзов, «ленивой Франции»). Однако с точки зрения политической психологии, важно другое: эта риторика существует автономно от реальных действий, выполняя исключительно психологическую функцию – она позволяет лидеру структурировать реальность в бинарной оппозиции «свой – чужой», «победа – поражение», что снижает когнитивную сложность и мобилизует сторонников вокруг упрощенного образа «борьбы».

Вербальное поведение президента подчиняется тому же паттерну расщепления, который был описан выше применительно к его ранней социализации.

С «конкретным Другим» (журналист в студии, отдельный гражданин, молодой блогер) Э. Макрон использует эмпатичную, доверительную лексику. В интервью [I-M-2023-HD] он обращается к молодежной аудитории: «Je vous écoute, je comprends votre angoisse» («Я слушаю вас, я понимаю вашу тревогу»). В интервью [I-M-2020-LGC] он использует формулы «мы должны выслушать тех, кто страдает», «нужно понять их боль». Эта лексика создает образ «слушающего президента», доступного для диалога.

С «абстрактным Другим» (оппозиция, профсоюзы, «система», «ленивая Франция») Э. Макрон говорит на языке подавления и исключения. В интервью [I-M-2024-DM] он заявляет: «Ils ne proposent rien d'autre que le chaos. Je ne les laisserai pas détruire le pays» («Они не предлагают ничего, кроме хаоса. Я не позволю им разрушить страну»). В интервью [I-M-2025-RTL] он называет оппозицию «теми, кто не хочет работать», а профсоюзы – «слугами устаревшей системы».

Эта дихотомичность воспроизводит в речи тот же паттерн, что и амбивалентный тип привязанности, сформированный у Э. Макрона в детстве. Как было показано в биографическом обзоре, главным объектом его ранней эмоциональной привязанности стала бабушка, а не родители, что привело к формированию амбивалентного типа привязанности: человек одновременно жаждет близости, но боится ее, постоянно ищет подтверждение своей значимости, но не доверяет тем, кто к нему приближается.

Во взрослой политической коммуникации этот детский паттерн трансформируется в механизм, который основатель Центра анализа личности и политического поведения ЦРУ Дж. Пост назвал «расщеплением» (splitting). Согласно Дж. Посту, политические лидеры с нарциссической структурой

личности склонны считать, что «все плохое и злое происходит от кого-то извне» (splitting off «the bad and evil» to a group outside the self) и тем самым проецировать ответственность за неудачи на внешнего врага. Этот механизм ведет к поляризации реальности, при которой мир делится на «абсолютно хорошее» (своя группа, свои сторонники) и «абсолютно плохое» (оппозиция, чужие, враги).

В случае Э. Макрона это «расщепление» проявляется как дихотомия двух режимов коммуникации. Конкретный, живой собеседник (журналист в студии, молодой блогер, отдельный гражданин) не вызывает у президента тревоги – с ним можно быть тактично мягким и эмпатичным, использовать лексику слушания и понимания. Но как только оппонент превращается в абстрактную категорию («оппозиция», «профсоюзы», «бюрократы», «система»), включается защитный механизм, описанный Дж. Постом: «абстрактный Другой» становится «врагом», которого нужно не убеждать, а побеждать, уничтожать или обезвреживать. Эта бинарная логика является одним из основных признаков нарциссического типа политического поведения в политическом дискурсе.

В российском и зарубежном медиадискурсе за Э. Макроном закрепился антропоним «Наполеон». О.Н. Кондратьева и Е.Е. Юрьева (Kondrat'eva, 2025) показывают, что этот образ используется для конструирования амбивалентного нарратива: «амбициозный, но обреченный», «молодой, но уже несостоявшийся гегемон». Однако важно, что Э. Макрон не просто принимает это сравнение, но систематически и сознательно ему подыгрывает, превращая потенциально негативную карикатуру в инструмент политического позиционирования.

Визуальные отсылки к наполеоновскому и военному наследию. Эта стратегия вышла далеко за рамки разовых фотографий в боксерских перчатках (прозвище #RockyMacron в социальных сетях). В 2023 году, проводя экскурсию по Елисейскому дворцу для журналистов, Э. Макрон примерил историческую двуголку Наполеона – символический жест, который в сети мгновенно превратился в мемы с отретушированными изображениями президента в полном облачении императора. Его официальный президентский портрет 2017 г. стилизован под живописные полотна монархов, а не под скромные фотографии республиканских чиновников: поза (полуоборот, руки скрещены на груди) и антураж (дубовая мебель, книги, полумрак) отсылают

к классическим изображениям «помазанников Божьих», а не к образам выборных лидеров.

Помимо визуальных образов, Э. Макрон регулярно апеллирует к военно-имперской символике в своих действиях. В день инаугурации 2017 г. он отказался от традиционного лимузина и проехал по Елисейским полям к Триумфальной арке в открытом военном джипе – жест, который должен был транслировать не образ «президента-чиновника», а «верховного главнокомандующего, выезжающего на поле боя». Сразу после вступления в должность он опубликовал фото, где его на лебедке спускают в атомную подводную лодку, – еще один элемент демонстрации контроля над стратегическими ядерными силами Франции. В 2018 г. для программного интервью о создании «общеевропейской армии» он выбрал Верден – символ чудовищных потерь Франции в Первой мировой войне, тем самым сознательно связывая свою персону с темой национальной обороны и военной жертвенности.

С точки зрения политической психологии, принятие амбивалентного образа – когда одна часть аудитории воспринимает лидера как величие, а другая часть – как карикатуру – является характерной чертой нарциссических лидеров. Как отмечает Н. Мак-Вильямс (McWilliams, 2011), нарциссическая личность предпочитает поляризованные оценки (либо «все хорошее», либо «все плохое») спокойному признанию собственных ограничений и сложности.

Амбивалентность образа «Наполеон» (и герой, и тиран, и победитель, и изгнанник, и реформатор, и узурпатор) парадоксальным образом устраивает Э. Макрона по двум причинам. Во-первых, она позволяет ему сохранять нарциссическую фантазию об исключительности («меня сравнивают с Наполеоном – значит, я не обычный политик, а историческая фигура») даже перед лицом растущей непопулярности. Во-вторых, эта амбивалентность снимает необходимость выбирать между «хорошим» и «плохим» образом: президент может одновременно быть и «реформатором» (для своих сторонников), и «автократом» (для критиков), извлекая из обеих проекций политические дивиденды. Как метко заметил один из французских обозревателей, «Макрон хочет быть Наполеоном, который не едет в Россию – то есть хочет величия без катастрофы». Но, как показывает динамика его второго срока (парламентский кризис, падение рейтингов, бюджетный коллапс), избежать «российской кампании» своему «Наполеону» все же не удается.

Таким образом, вербальный стиль Э. Макрона не сводится к «юпитерианским» заявлениям. Он представляет собой динамическую систему нарциссических защит, которые эволюционируют от коллективной ответственности («nous devons») к прямому волеизъявлению («je décide»), от тактильной эмпатии к конкретным собеседникам – к риторике уничтожения абстрактных оппонентов. Эта динамика является ключевым эмпирическим свидетельством в пользу предложенной в статье модели «назначенного лидера»: чем больше внешние обстоятельства сопротивляются воле Э. Макрона (кризис 2024-2026 гг., падение рейтингов, парламентский паралич), тем жестче становится его вербальная защита и тем отчетливее проступают маркеры нарциссической ригидности.

Амбивалентность привязанности: отношения Э. Макрона с премьер-министрами

Классическим случаем «амбивалентной привязанности» (Bowlby, 2003) являются отношения Э. Макрона с премьер-министрами. За время своего президентства французский президент сменил семерых премьеров, и в каждом случае прослеживается устойчивый паттерн, который можно назвать «нарциссическим циклом привязанности»: 1) выбирается сильный менеджер, способный выполнять рутинную работу и принимать на себя непопулярные решения; 2) наблюдается рост популярности премьера, которая начинает превышать президентскую; 3) возникает угроза затмения главы государства; 4) происходит публичное принижение, отставка или «выдавливание» премьера; 5) отправление в «почетную ссылку», т.е. назначение на символическую, но не влиятельную должность; 6) возврат к пункту 1 с новым, заведомо более слабым кандидатом.

Анализ семи премьерских сроков позволяет выделить четкую динамику: чем дольше Э. Макрон находится у власти, тем менее самостоятельными становятся его премьер-министры. Если в начале правления он еще терпит рядом с собой сильную фигуру (Э. Филипп), то к 2026 г. его выбором становится лояльный технократ из ближнего круга (С. Лекорню).

Эдуар Филипп (2017-2020 гг.), мэр Гавра и член партии «Республиканцы», был назначен премьер-министром в день инаугурации Э. Макрона. Он быстро завоевал популярность: его рейтинг доверия часто превышал президентский (в разгар кризиса «желтых жилетов» в декабре 2018 года рейтинг Э. Филиппа составлял 31%, тогда как у Э. Макрона – 23%). Э. Фи-

липп несколько раз пытался подать в отставку (после акции протеста «желтых жилетов» в 2018 г., после поражения партии Э. Макрона на муниципальных выборах 2020 г.), но Э. Макрон его не отпускал. Психологически это объясняется нарциссической потребностью в сильном «исполнителе», который берет на себя кризисное управление. Отпустить Э. Филиппа означало бы потерять эффективного менеджера в разгар протестов. Однако после поражения партии Э. Макрона на муниципальных выборах 2020 г. отставка была «снисходительно» принята: Э. Филипп стал «козлом отпущения» за провал. Его партия «Республиканцы» тоже проиграла на этих выборах, а его собственная популярность к тому моменту начала снижаться – из-за целого ряда ошибочных действий Э. Макрона, – что уменьшило конкурентную угрозу для президента. В интервью [I-M-2023-TF1] Э. Макрон так отозвался об уходе Э. Филиппа: «Il a fait son travail, c'est bien» («Он сделал свою работу, и это хорошо»). Во фразе слышится иронический подтекст: «свою работу» как у менеджера среднего звена, а не как у политического партнера. После отставки Э. Макрон назначает Э. Филиппа мэром Гавра – классическая «почетная ссылка». Формально – дал повышение (сделал мэром крупного города), но по факту – удалил из Парижа.

Жан Кастекс (2020-2022 гг.), малоизвестный чиновник, был назначен после отставки Э. Филиппа. Он никогда не составлял конкуренции Э. Макрону в публичном пространстве, его рейтинг был стабильно ниже президентского. Он воспринимался как «человек Макрона», лояльный исполнитель. Его отставка после переизбрания президента в 2022 г. прошла незамеченной для широкой публики.

Назначение Элизабет Борн (2022-2024 гг.), «первой женщины-премьера», было воспринято как символический жест (борьба с гендерным неравенством), но ее полномочия были существенно ограничены. Она часто жаловалась французским СМИ, что Э. Макрон принимает все основные решения единолично, а ей остается лишь обеспечивать их прохождение через парламент, в том числе с помощью частого использования статьи 49.3 Конституции (23 раза за полтора года). В интервью [I-M-2023-TF1] Э. Макрон, комментируя работу правительства, ни разу не назвал Э. Борн по имени, говоря обобщенно: «le gouvernement travaille» («правительство работает»). Это вербальное уничтожение премьера как значимой фигуры.

Самый молодой премьер-министр в истории Франции 34-х-летний Габриэль Атталь (2024 г.) рассматривался как проект Э. Макрона по омоложе-

нию образа власти. Г. Атталъ был харизматичен, хорошо говорил, быстро набрал собственную популярность, что стало называться «эффектом Атталъ». Социологи зафиксировали, что рейтинг Атталъ в первые месяцы его премьерства превышал рейтинг Э. Макрона среди молодежи (18-25 лет). Его отставка последовала сразу после выборов в Европарламент в июне 2024 г., где партия «Ренессанс» потерпела поражение. Формальной причиной было названо «поражение на выборах», но, как отмечает пресса, реальной причиной стал страх Э. Макрона перед «эффектом Атталъ».

Мишель Барнье (сентябрь – декабрь 2024 г.), 73 года на момент назначения, и Франсуа Байру (декабрь 2024 г. – сентябрь 2025 г.), 74 года, представляют собой «технических премьеров» – политиков старшего поколения, не имеющих харизмы и массовой поддержки, неспособных составить конкуренцию Э. Макрону. Они были использованы для протаскивания непопулярных законов (пенсионная реформа, бюджетная экономия) и для принятия на себя удара оппозиции. Оба были отправлены в отставку после того, как выполнили свою функцию «громоотвода». В интервью [I-M-2025-RTL] Э. Макрон, отвечая на вопрос о частой смене премьеров, иронизирует: «La France a besoin de stabilité, et pour cela il faut parfois changer les outils» («Франции нужна стабильность, а для этого иногда нужно менять инструменты»). Называя премьер-министра «инструментом», он тем самым обесценивает должность, на которой, по Конституции, находится глава правительства.

Севастьян Лекорню (с сентября 2025 г.), до назначения занимавший пост министра обороны, считается одним из самых лояльных Э. Макрону политиков. Он никогда не критиковал президента публично, не имеет собственной политической базы и воспринимается как «человек миссии», а не как самостоятельная фигура. Его назначение в 2025 г., после череды политических кризисов (падение правительства Ф. Байру, бюджетный коллапс, парламентский паралич), свидетельствует о том, что Э. Макрон в условиях нарастающей изоляции вернулся к проверенной стратегии – окружать себя людьми, которые не представляют угрозы его лидерству.

Характерно, что этот цикл сжимается во времени по мере нахождения Макрона у власти: если Э. Филипп продержался три года, то Г. Атталъ – восемь месяцев, а М. Барнье – всего три. Ускорение цикла свидетельствует о нарастающей нарциссической ригидности: чем дольше президент сталкивается с сопротивлением политической системы, тем быстрее он избавляется от премьеров, не дожидаясь, пока они наберут опасный вес. Это также под-

тверждает гипотезу о «назначенном лидере»: Э. Макрон не выстраивает долгосрочных альянсов, а использует премьеров как расходный материал для реализации непопулярных решений, после чего отправляет их в «почетную ссылку».

Невербальное поведение: тактильность как инструмент доминирования и возникновение чувства уязвимости при отказе в ней

Сенегальские исследователи М. Фай и О. Тиам (Mbaye Faye и Oumar Mamoudou Thiam) (Faye & Thiam, 2022) на основе видеозаписей публичных выступлений Э. Макрона в 2017-2021 гг. выделили три устойчивых жеста, свидетельствующих о наличии у него высокого уровня самоконтроля и потребности в доминировании.

Первый жест – соединенные ладони («поза квадрата»). Кисти рук соединены так, что образуют фигуру, напоминающую квадрат или треугольник. Этот жест, по данным М. Фай и О. Тиам, означает концентрацию на чем-то, контроль над чем-то и готовность к чему-то, по всей вероятности, решительным действиям. Он наиболее частотен в начале выступления, когда Э. Макрон настраивается на речь.

Второй жест – кольцо из большого и указательного пальцев (жест «ОК»). М. Фай и О. Тиам называют его «жестом прецизионности» (точности). Это наиболее частотный жест Э. Макрона: исследователи насчитали 93 случая использования его одной рукой и 85 случаев – двумя руками. Жест используется при произнесении цифр и дат (маркер точности, рациональности), при произнесении обещаний («я гарантирую», «я обещаю»), при отрицании слов оппонента.

Третий жест – сжатый кулак. М. Фай и О. Тиам насчитали 38 случаев сжатия одной руки и 40 случаев – двух рук. Этот жест используется при произнесении волевых обещаний и лозунгов («Je le ferai», «Nous vaincrons» – «Я сделаю это», «Мы победим»).

Как было отмечено выше, Э. Макрон вербально дихотомичен: он мягок с конкретным собеседником и жесток с абстрактным оппонентом. Невербальное поведение подчиняется той же логике. И. Амарал и Э. Антунеш (Amaral & Antunes, 2025) показывают, что Э. Макрон систематически использует прикосновения для установления психологической иерархии: он кладет руку на плечо собеседнику, вторгаясь в его личную зону; он обнимает при встрече, заставляя партнера рефлексивно принять его объятия; он

задерживает рукопожатие ровно настолько, чтобы партнер испытал дискомфорт от потери контроля над своей рукой. Согласно теории Э. Холла (Hall, 1966), тот, кто первым нарушает дистанцию, демонстрирует высокий статус. Таким образом, тактильность Э. Макрона представляет собой не проявление дружелюбия, а невербальный инструмент доминирования и установления иерархии.

Однако, как и в вербальном поведении, тактильная мягкость имеет пределы. Она работает только с «конкретным Другим» – собеседником, который находится рядом. Когда оппонент превращается в абстрактную категорию («оппозиция», «профсоюзы»), тактильность сменяется вербальной жесткостью (ультиматумы, уничижение). Более того, тактильность Э. Макрона не всегда встречает ответную реакцию. Отказ в тактильности со стороны другого лидера становится для него «нарциссической травмой» (narcissistic injury). Наиболее показательными примерами подобных случаев стали следующие.

Эпизод 1: «длинный стол» в Кремле (февраль 2022 г.). Российский президент усадил Э. Макрона на другой конец шестиметрового стола, лишив его возможности физического контакта. Как отмечает И. Лассер, со стороны западных наблюдателей этот жест был интерпретирован как демонстрация доминирования и отсутствия уважения со стороны В.В. Путина. По версии агентства «Reuters», распространенной французскими источниками, причиной стало требование Э. Макрона отказаться от ПЦР-теста по соображениям безопасности его ДНК. В ответ Э. Макрон развернул гипермаскулинную кампанию: фото с бокса в боксерских перчатках, прозвище #RockyMacron в социальных сетях, демонстративные отжимания на публике (Amaral & Antunes, 2025). Это классическая компенсаторная реакция на утрату контроля: компенсаторная демонстрация силы и мужественности.

Эпизод 2: палец Эрдогана (май 2025 г.). На саммите Европейского политического сообщества в албанской Тиране Э. Макрон, подойдя к сидящему президенту Турции Р.Т. Эрдогану, попытался положить руку ему на плечо, в чем усматривался бы жест доминирования, не говоря уже о проявлении фамильярности, однако Р.Т. Эрдоган мгновенно перехватил его руку и не отпускал палец несколько секунд, буквально «обезвредив» попытку установления иерархии. Аналитики французского телеканала BFM TV (2025) заметили, что сцена «напоминала родителя, устанавливающего свою власть над ребенком». Ответа Э. Макрона не последовало – он сделал вид, что ничего

не произошло. Это классическая нарциссическая защита: минимизация травмы и ее отрицание.

Эпизод 3: пощечина от гражданина (июнь 2021 г.). 8 июня 2021 года во время визита в департамент Дром (по названию реки Дром; так во Франции называются административные округа, всего их – сто) в ходе поездки президента по регионам, встреч с гражданами, некий мужчина дал Э. Макрону пощечину, когда тот подошел к ограждению, чтобы пожать руки гражданам. Это было первое физическое нападение на президента Франции с момента его вступления в должность. Вербальная реакция Э. Макрона была немедленной: «On ne s'arrête pas, on ne cède rien. Je n'ai pas peur» («Мы не останавливаемся, мы ничего не уступаем. Я не боюсь»). Он не признал публично, что инцидент задел его; напротив, он назвал его «частным случаем», а нападавшего — «человеком с проблемами». Это классическая нарциссическая защита: минимизация травмы («это ничего не значит») и отрицание уязвимости («я не боюсь»). Как показывают И. Амарал и Э. Антунеш (Amaral & Antunes, 2025), в ответ на травмирующий эпизод Э. Макрон развернул гипермаскулинную кампанию: фотографии в боксерских перчатках (март 2024 г.), позже – фото с тренировкой на пляже (август 2025 г.), получившие в социальных сетях прозвище #RockyMacron». Такие проявления являются компенсаторной реакцией на пережитый стыд.

В целом невербальное поведение Э. Макрона подчиняется той же дихотомичности, что и его вербальный стиль. Тактильная мягкость адресована «конкретному Другому» – собеседнику в студии, отдельному гражданину, молодому блогеру. С ними президент сокращает дистанцию, использует прикосновения, задерживает рукопожатия, демонстрируя доступность и эмпатию. Однако, как только оппонент превращается в «абстрактного Другого» (оппозиция, профсоюзы, «система»), тактильность сменяется вербальной жесткостью. Более того, отказ в тактильности со стороны другого лидера (В.В. Путин, Р.Т. Эрдоган) или прямое физическое нападение вызывают у Э. Макрона переживание по поводу утраты контроля, которая компенсируется гипермаскулинной демонстрацией силы (фото в боксерских перчатках, прозвище #RockyMacron). Эта бинарность – мягкость к «своим» и ранимость/жесткость при столкновении с «чужими» – является дифференциальной характеристикой коммуникативного стиля нарциссического лидера.

Ирония и сарказм как средство дискредитации оппонента

А. Боташ (Botas, 2019) на материале предвыборных дебатов 3 мая 2017 г. показала, что Э. Макрон активно использует иронию и сарказм для дискредитации оппонента при сохранении видимости «президентского этоса». А. Боташ выделяет два типа иронии в речах Э. Макрона: антифразис (утверждение противоположного тому, что имеется в виду) и иронию-эхо (повтор слов оппонента с искажением смысла и доведением его до абсурда). По классификации П. Шародо (Charaudeau, 2013), в случае проявления иронии имеет место отношение противоположности между мыслью и высказыванием, а в случае сарказма – гиперболизация мысли в высказывании.

С. Мефта и М. Бекташ (Meftah & Bektache, 2019) указывают, что Э. Макрон использует три механизма для сохранения «президентского этоса» при использовании иронии: интонационный контроль (реплики произносятся ровным, спокойным тоном), быстрое переключение регистров (после реплики следует микропауза, после которой он немедленно возвращается к серьезному, деловому тону) и нейтральная мимика (отсутствие улыбки, подмигивания, намеков). С. Мефта и М. Бекташ резюмируют, что Э. Макрон использует иронию как контролируемую вспышку агрессии, после чего немедленно возвращается к образу «рационального менеджера», и это позволяет ему атаковать оппонента, не теряя маски президента.

В дебатах 2017 г. М. Ле Пен заявляет: «Monsieur Macron est l'enfant chéri du système et des élites» («Господин Макрон – любимое дитя системы и элит»). Э. Макрон отвечает: «Merci pour cette belle démonstration que vous venez de faire, madame Le Pen» («Спасибо за эту прекрасную демонстрацию, которую вы только что устроили, мадам Ле Пен»). Благодарность является антифразисом: он не благодарит, а высмеивает оппонента (Botas, 2019). Слово «прекрасная» в данном контексте означает обратное – «отвратительная», «ненавистная», «мерзавка».

Еще один пример прибегания к иронии – использование тактики эхо с акцентированием своего негативного отношения к оппоненту. Э. Макрон пародирует позицию М. Ле Пен, выступающей за выход из евро и закрытие границ: «"C'est trop dur la mondialisation pour nous... on va fermer les frontières, on va sortir de l'euro, de l'Europe, parce que les autres y arrivent, mais pas nous". C'est l'esprit de défaite» («Глобализация слишком трудна для нас... мы закроем границы, выйдем из евро, из Европы, потому что другие могут, а мы нет. Это дух поражения»). А. Боташ (Botas, 2019) отмечает, что

фраза «другие могут, а мы нет» не является прямой цитатой, но, по мнению Э. Макрона, отражает суть программы М. Ле Пен.

Собственный анализ корпуса интервью показывает, что ирония остается устойчивым инструментом Э. Макрона и в более поздний период (2024-2026 гг.), причем мишенью становится не только конкретный оппонент (как в дебатах 2017 г.), но и абстрактные категории («оппозиция», «профсоюзы», «критики»).

В интервью [I-M-2023-TF1], комментируя критику своей политики со стороны профсоюзов, Э. Макрон саркастически замечает: «Ils savent bien faire les choses... pour bloquer le pays» («Они точно знают, как вытворять разные делишки... чтобы в стране все блокировалось»). Это классический пример антифразиса, направленного на дискредитацию оппонента.

В интервью [I-M-2023-HD] на вопрос о критике его авторитарного стиля Э. Макрон отвечает с ироничной интонацией: «Je suis ravi qu'ils aient enfin compris que je ne suis pas là pour les séduire, mais pour agir» («Я рад, что они наконец поняли, что я здесь не для того, чтобы перед ними заискивать, а для того, чтобы действовать»). «Je suis ravi» («я рад») — антифразис, означающий «мне наплевать на их критику». Ирония здесь усиливает нарциссическую защиту: вместо того чтобы оправдываться, Э. Макрон уличает критиков в неадекватном поведении.

С точки зрения политической психологии, ирония и сарказм выполняют у Э. Макрона две ключевые функции. Во-первых, они позволяют атаковать оппонента, не выходя из образа «рационального менеджера» (Meftah & Bektache, 2019). Так, в отличие от прямой агрессии (оскорблений, крика), ирония сохраняет видимость интеллектуального превосходства – «я настолько выше вас, что даже не спорю, а лишь иронизирую». Во-вторых, ирония является инструментом нарциссического обесценивания нарциссом позиции «абстрактного Другого» (Kohut, 2003): оппонент не просто ошибается, он не заслуживает серьезного ответа, его позиция смешна и примитивна. Это позволяет Э. Макрону избегать содержательной полемики и сохранять ощущение собственной исключительности.

Стратегии кризисной коммуникации: отказ признавать ошибки

Ядром нарциссической личности можно считать нежелание или попросту отсутствие необходимости публично извиняться. По признанию Х. Кохута (Kohut, 2003), это яркий пример классической нарциссической защиты: признание ошибки разрушает образ «меня великого и могучего» (*grandiose self*). Вместо того, чтобы пойти на попятную, нарцисс использует рационализацию (объяснение неудач внешними обстоятельствами) и снимает с себя ответственность (виноваты другие).

Контент-анализ корпуса интервью Э. Макрона подтвердил, что у французского президента: 1) отсутствуют формы извинения – ни разу не были использованы конструкции «*je suis désolé*» («мне жаль»), «*je m'excuse*» («я извиняюсь»), «*j'ai commis une erreur*» («я совершил ошибку»), «*j'ai tort*» («я не прав»); 2) присутствует эвфемизация критики – в ответ на критику используется формула «*je comprends la difficulté*» («я понимаю трудность») – 15 раз в 8 интервью; 3) ответственность перекладывается на обстоятельства или кого-то другого – в 12 случаях критика переадресовывалась на внешние причины: «*c'est la conséquence de la crise sanitaire*» («это последствия кризиса здравоохранения») – [I-M-2020-LGC]; «*c'est l'héritage du passé*» («это наследие прошлого») – [I-M-2017-DS]; «*les blocages viennent de Bruxelles*» («препятствия исходят от Брюсселя») – [I-M-2023-TF1].

В интервью [I-M-2019-TIME] по поводу «желтых жилетов» журналист спрашивает Э. Макрона о гибели протестующих (несколько человек раздавлены полицейским автомобилем в Марселе, кто-то обезображен резиновой пулей в Гренобле). На это получает ответ: «*Je comprends la colère de nos concitoyens*» («Я понимаю гнев наших сограждан»). Вместо того чтобы принести извинения или признать свою ответственность за происходящее, включается рационализация.

Все эти модели поведения образуют единый стиль антикризисной коммуникации Э. Макрона. Он не извиняется не потому, что не осознает ошибку, а потому что его нарциссическая структура не позволяет ему публично признать свою уязвимость. В условиях нарастающего кризиса (2024-2026 гг.) этот стиль становится все более ригидным, что подтверждает гипотезу о «назначенном лидере»: чем больше внешние обстоятельства сопротивляются воле Э. Макрона, тем жестче становятся его нарциссические защиты.

Следует признать, что отказ от публичных извинений может быть интерпретирован не столько как нарциссическая защита, сколько как институ-

циональная стратегия, характерная для «юпитерианского» президентства Пятой республики. В рамках этой традиции публичное признание ошибки воспринимается как подрыв авторитета главы государства. Таким образом, ригидность Э. Макрона может быть отчасти следствием не личностной патологии, а адаптацией к институциональной логике французской президентской власти. В данном исследовании мы признаем наличие обеих интерпретаций, однако в проанализированных интервью институциональная логика сочетается с выраженными маркерами обесценивания оппонентов, что позволяет предположить значимость личностного фактора наряду с институциональным.

Операционализация понятия «назначенный лидер»

Для интерпретации выявленных закономерностей обратимся к теории нарциссической ярости. М.Дж. Горовиц и Р.Дж. Артур (Horowitz & Arthur, 1988) описывают этот феномен как специфическую реакцию на травму, полученную нарциссом. Это не просто гнев, а холодная, расчетливая ярость, направленная на уничтожение источника угрозы для сохранения или поднятия уровня самооценки. Авторы подчеркивают, что власть обладает двойственным эффектом: она усиливает завышенную самооценку и одновременно делает лидера более уязвимым к ударам по его самооценке. Блема Стейнберг (Steinberg, 1996) показала, что унижение и стыд являются мощнейшими мотиваторами политических решений. «Униженный нарцисс» (Л. Джонсон) бомбил Вьетнам, чтобы не прослыть трусом; «злой нарцисс» (Р. Никсон) эскалировал войну в Камбодже, пытаясь восстановить свою самооценку, разрушенную разными унижениями со стороны. М. Жоли (Joly, 2024) усматривает прямую связь между специфичной политикой Э. Макрона и «нарциссической перверсии» президента.

Эпизод со сливом журналистам разговора с В.В. Путиным в сентябре 2020 г. является классической иллюстрацией проявления защитного механизма «мести нарцисса» (narcissistic revenge). Получив от российского президента информацию, которую он счел неприемлемой (версия о самоотравлении оппозиционера), Э. Макрон не сумел переубедить оппонента в ходе разговора. Восприняв это как удар по своей компетентности и своему «голосу разума», он инициировал утечку содержания разговора в газету «Le Monde». Одновременно в своем выступлении на Генассамблее ООН он занял жесткую позицию, потребовав от России «пролить свет на попытку убийства». Этот акт можно интерпретировать как проявление нарциссической ярости, направлен-

ной на восстановление своей самооценки через публичное принижение оппонента и демонстрацию собственного морального превосходства.

Полученные результаты позволяют ввести и операционализировать понятие «назначенный лидер» (англ. appointed leader), под которым понимается политик, чья власть держится не на электоральной поддержке (которая может быть минимальной), а на функциональности для элит, которые обеспечивают его пребывание у власти как предсказуемого менеджера, проводящего определенную повестку и не создающего собственной партийной или династической альтернативы.

Данное понятие не следует смешивать с «номинальным лидером» (англ. figure-head). «Назначенный лидер» – это не декоративная, не церемониальная фигура. Он остается полноценным политическим лидером, потому что обладает реальными конституционными полномочиями главы государства, его харизма и символический капитал востребованы элитами, а в кризисных ситуациях он выступает как инструмент консолидации нации.

Операционализация понятия «назначенный лидер» проводится по пяти критериям.

1) Выдвижение не снизу. Эмпирическим индикатором является получение высшей государственной должности в обход всех мыслимых должностей по административной карьерной лестнице. В частности, Э. Макрон никогда не был депутатом, мэром или региональным советником (Zvereva, 2017);

2) Функциональность для элит. Эмпирическим индикатором становится проведение этим деятелем неолиберальной повестки. В случае с Э. Макроном достаточно указать приватизацию долей государства в крупных компаниях и проведение пенсионной реформы (Semeko, 2021);

3) Заменяемость или возможность замены без ущерба для системы. Эмпирическим индикатором является отсутствие «династического проекта», создание партии как инструмента для удержания или узурпации власти. Партия Э. Макрона «Ренессанс» не имеет автономного электората и не переживает его ухода;

4) Высокий уровень самоконтроля. Эмпирический индикатор – способность быстро переключаться между поведенческими масками, что, например, у Э. Макрона происходит – между «юпитерианским» и «народным» стилями;

5) Нарциссическая защита. Основной эмпирический индикатор – отсутствие публичных извинений или реальных дел по компенсации ущерба, причиненного кому-то или чему-то по твоей вине. В интервью, составивших

эмпирическую базу исследования, не зафиксировано ни одного случая признания ошибки.

В этой связи уместно обратиться к концепции WEIRD vs non-WEIRD, предложенной канадским антропологом Дж. Хенриком (Henrich, 2020). Согласно его подходу, страны Запада (western, educated, industrialized, rich, democratic) составляют особую категорию, для которой характерны индивидуализм, аналитический склад ума и нонконформизм, тогда как остальной мир (non-WEIRD) сохраняет коллективистские и традиционные ценностные установки. Эта дихотомия делает невозможным универсальное применение западных моделей оценки лидерства («демократ vs автократ») к незападным странам. Однако концепция WEIRD важна и для понимания внутриамериканских процессов: именно в WEIRD-странах в последние десятилетия произошел переход от национальных элит к транснациональным, что кардинально изменило требования к лидерам. Если в XIX – первой половине XX в. национальные элиты нуждались в харизматических фигурах, способных консолидировать нацию и принимать рискованные решения (Черчилль, де Голль, Рузвельт), то в эпоху глобализации транснациональные элиты – финансовые институты и транснациональные корпорации – отдают предпочтение предсказуемым технократам-менеджерам, функциональным для проведения неолиберальной повестки и не создающим собственной партийной альтернативы. Таким образом, феномен «назначенного лидера» может рассматриваться как специфический продукт современной стадии развития WEIRD-цивилизации, где смена состава элит привела к смене типа лидерства: от харизматиков-государственников – к управляемым менеджерам.

Полученные данные о психологическом профиле Э. Макрона позволяют сформулировать гипотезу, выходящую за рамки одного кейса и требующую верификации на расширенном эмпирическом материале. Если исходить из логики Дж. Поста (Post, 2004), согласно которой механизм «расщепления адресата» характерен для политиков с нарциссической структурой личности, то возникает вопрос, не является ли этот тип лидерства системным требованием современных правящих элит, особенно в Европе. Предварительное наблюдение показывает, что ряд европейских лидеров, пришедших к власти в последнее десятилетие (среди прочих, О. Шольц, У. фон дер Ляйн, П. Санчес), демонстрируют сходные паттерны: они с трудом выстраивают долгосрочные коалиции с профсоюзами, оппозицией и общественными движениями (то есть с «абстрактным Другим»), но при этом комфортно взаимодей-

ствуют с лидерами своего поколения и политического круга («конкретным Другим»). Это позволяет предположить, что транснациональные, финансовые и бюрократические структуры объективно отбирают и продвигают на ключевые посты подобных «назначенных лидеров» – политиков, чья нарциссическая структура делает их неспособными к самостоятельной консолидации власти, к созданию массовых партийных систем и к устойчивым альянсам внутри страны. Будучи оторванными от национальных коалиций, они вынуждены опираться на внешние элитные сети, что делает их управляемыми и предсказуемыми. В противовес этому типу, как показывают примеры В.В. Путина, Р.Т. Эрдогана и Д. Трампа, формируется психологический профиль иного рода: эти политики обладают более высоким уровнем автономии, способностью к ситуативной кооперации с разными силами и не столь остро нуждаются в постоянном подтверждении своей исключительности извне. Предлагаемая гипотеза требует систематической верификации на расширенном материале. Однако уже сейчас она позволяет по-новому взглянуть на феномен «назначенного лидера»: это не столько результат индивидуальной биографии, сколько ответ на системный запрос элит, заинтересованных в управляемом и предсказуемом классе политиков, лишенных способности к самостоятельной консолидации власти.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу: стиль лидерства Э. Макрона является результатом компенсаторного нарциссизма, сформированного в раннем возрасте (дефицит родительского внимания, смещение объекта привязанности на маму мамы, ранняя фиксация на цели), и высокой способности к переключению между поведенческими масками, позволяющей ему быстро адаптироваться к разным коммуникативным ситуациям.

В соответствии с поставленной целью и задачами были получены следующие результаты.

Ключевую роль в формировании личности Э. Макрона сыграла бабушка, что привело к формированию амбивалентного типа привязанности и одновременно с этим, к появлению гипертрофированной потребности в признании и при этом страха перед эмоциональной близостью. Благодаря получению элитного образования Э. Макрон смог интегрироваться, или был интегрирован, во французский истеблишмент. Выпуск автобиографии до выборов является актом нарциссической самопрезентации, направленным на создание образа «человека-миссии».

Эмпирически подтверждено, что в спонтанных интервью Э. Макрон использует лексику долженствования и эвфемистические стратегии уклонения. Ирония и сарказм применяются им как контролируемая вспышка агрессии, после которой он немедленно возвращается к образу «рационального менеджера». В проанализированном корпусе интервью не зафиксировано ни одного случая публичного извинения или признания своих ошибок.

В результате анализа вторичных данных выяснилось, что наиболее заметные жесты Э. Макрона – соединенные ладони, «жест прецизионности» (кольцо из пальцев), сжатый кулак – свидетельствуют о потребности в доминировании и высоком уровне самоконтроля. Тактильность (прикосновения, задержанные рукопожатия, вторжение в личную зону) можно характеризовать как невербальный инструмент доминирования. Отказ в тактильности, например, со стороны других лидеров может быть интерпретирован как реакция на переживание утраты контроля, за которой через некоторое время следует компенсаторная реакция на утрату контроля: демонстрация силы и мужественности, широко освещаемая СМИ.

На основе анализа интервью и вторичных данных в риторике и поведении Э. Макрона устойчиво прослеживается ориентация на власть и личный успех при одновременно низкой потребности в эмоциональной близости и горизонтальных коалициях. Такое сочетание соответствует профилю политика, ориентированного на результат и личный успех, но не склонного к выстраиванию устойчивых горизонтальных коалиций и эмоционально близких отношений с соратниками.

Введены пять критериев, позволяющих диагностировать данный тип лидерства: 1) выдвижение через элитные сети, а не через выборные должности; 2) функциональность для элит (проведение неолиберальной повестки); 3) возможность замены без ущерба для системы (отсутствие династического проекта, своей партии как инструмент для укрепления своей власти); 4) высокий уровень самоконтроля (способность быстро переключаться между поведенческими масками); 5) нарциссическая защита (отсутствие публичных извинений, отрицание критики).

Проведено различие между «назначенным лидером» и «номинальным лидером»: в отличие от чисто декоративной фигуры, «назначенный лидер» сохраняет реальные конституционные полномочия, его харизма востребована элитами, и в кризисных ситуациях он выступает как символ национального единства.

Вклад авторов заключается в операционализации концепта «назначенный лидер», в проведении систематического анализа корпуса из 21 интервью Э. Макрона (2017-2026 гг.), в интеграции в анализ психоаналитической традиции, анализа невербального поведения и задействования обширного корпуса исследований современных российских политологов.

Основной вывод исследования: политическая устойчивость Э. Макрона объясняется не его электоральной поддержкой (которая в отдельные периоды падала до рекордных 15%), а функциональностью для элит. Элиты «держат» его как предсказуемого менеджера, не создающего собственной партийной альтернативы. Это позволяет говорить о феномене «назначенного лидера» как о системном ответе на кризис представительной демократии: когда народные массы перестают быть единственным источником легитимности, власть перехватывают транснациональные, финансовые и бюрократические структуры, продвигающие на ключевые посты управляемых технократов с нарциссической структурой личности.

Ограничения исследования включают субъективность анализа речевых маркеров (свойственную любому качественному контент-анализу), опору на вторичные данные по невербальному поведению, а также невозможность верификации всех утверждений о присущей Э. Макрону мотивационной структуре без прямого психологического тестирования политика.

Кроме того, в работе сознательно не проводился статистический подсчет речевых маркеров в силу качественного характера исследования; полученные наблюдения за частотностью маркеров (например, местоимения «je» в 2024-2026 гг.) носят иллюстративный характер и требуют дальнейшего количественного подтверждения. В качестве перспективы дальнейшего исследования предлагается проведение систематического количественного анализа выявленных речевых маркеров (лексики долженствования, маркеров отрицания критики, частотности местоимений первого лица единственного и множественного числа) на расширенном корпусе интервью для верификации полученных качественных выводов. Также не рассматривалась альтернативная гипотеза о том, что высокая частота смены премьеров может быть связана не с личной ревностью, а с институциональным дизайном Пятой республики, допускающим роспуск правительства как рутинный механизм политического управления.

Перспективы дальнейшего исследования включают сравнительный анализ с другими европейскими лидерами, расширение эмпирической базы

за счет углубленного анализа феномена «назначенного лидера» на материале других политических систем (например, постсоветских государств).

References

- Adler, A. (1997). *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understanding human nature]. Akademicheskii proekt. (In Russ.).
- Amaral, I., & Antunes, E. (2025). Macron e o conflito da sua masculinidade política (des)construída. In A. Santos & M. Oliveira (Eds.), *Media e Guerra* (pp. 103–122). Imprensa da Universidade de Coimbra.
- Botas, A. (2019). Presidential discourse analysis: Irony and sarcasm in pre-election debates. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Series IV: Philology and Cultural Studies*, 12(2), 3–18.
- Bowlby, J. (2003). *Privyazannost'* [Attachment]. Gardariki.
- Charaudeau, P. (2013). De l'ironie à l'absurde et des catégories aux effets. In D. Vivero García (Ed.), *Frontières de l'humour* (pp. 3–26). L'Harmattan.
- Chernega, V. N. (2024). Frantsiya nakanune vyborov v Evroparlament: strategiya E. Makrona [France on the eve of the European Parliament elections: E. Macron's strategy]. *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, (72 (88)), 26–32.
- Chikhachev, A. Yu. (2018). Vneshnyaya politika sovremennoy Frantsii: osobennosti diplomaticheskogo stilya prezidenta E. Makrona [Foreign policy of modern France: features of the diplomatic style of President E. Macron]. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 18(3), 46–52. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-3-46-52>
- Chikhachev, A. Yu. (2022). Rossiisko-frantsuzskie otnosheniya pri prezidente Emmanyuele Makrone: dostizheniya i protivorechiya [Russian-French relations under President Emmanuel Macron: Achievements and contradictions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 15(1), 86–104.
- Egorova-Gantman, E. V. (Ed.). (1994). *Imidzh lidera: Psikhologicheskoe posobie dlya politikov* [The image of a leader: A psychological guide for politicians]. Obshchestvo "Znanie" Rossii.
- Ermina, A. Yu. (2023). Kognitivnaya metafora v politicheskom diskurse prezidentov Frantsii Emmanyuelya Makrona i Sharlya de Gollya [Cognitive metaphor in the political discourse of French presidents Emmanuel Macron and Charles de Gaulle]. *Vestnik MASI*, (4), 103–107. https://doi.org/10.52470/2619046X_2023_4_103
- Faye, M., & Thiam, O. M. (2022). La sémiologie du geste chez Emmanuel Macron. *Altralang Journal*, 4(2), 213–228. <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/194682>
- Freud, S. (2010). O narotsissizme [On narcissism]. In *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Piter Lider.
- Fulda, A. (2017). *Emmanuel Macron: Un jeune homme si parfait*. Plon.

Goodliffe, G. (2025). Politicising European integration: Emmanuel Macron, cleavage unfreezing and party system transformation in France. *The International Spectator*, 60(3), 117–137.

Grunberg, G. (2022). *La République et les sauveurs*. Calmann-Lévy.

Hajer, M. A. (1993). Discourse coalitions and the institutionalization of practice: The case of acid rain in Great Britain. In F. Fischer & J. Forester (Eds.), *The argumentative turn in policy analysis and planning* (pp. 43–76). Duke University Press.

Hall, E. T. (1966). *The hidden dimension*. Doubleday.

Henrich, J. (2020). *The WEIRDest people in the world: How the West became psychologically peculiar and particularly prosperous*. Farrar, Straus and Giroux.

Horowitz, M. J., & Arthur, R. J. (1988). Narcissistic rage in leaders: The intersection of individual dynamics and group process. *International Journal of Social Psychiatry*, 34(2), 135–141.

Joly, M. (2024). *La pensée perverse au pouvoir*. Anamosa.

Kohut, H. (2003). *Analiz samosti. Sistemnyi podkhod k lecheniyu nartsissicheskikh narushenii lichnosti* [The analysis of the self: A systematic approach to the treatment of narcissistic personality disorders]. Kogito-Tsentr.

Kondrat'eva, O. N., & Yur'eva, E. E. (2025). Pretsedentnyi antroponim «Napoleon» kak sredstvo konstruirovaniya mediaobrazov evropeiskikh politikov [The precedent anthroponym “Napoleon” as a means of constructing media images of European politicians]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 24(2), 42–53.

Kuralesina, E. N. (2019). Vernet li E. Makron frantsuzskomu yazyku utrachennyye pozitsii na mirovom urovne? [Will E. Macron return the French language to its lost positions on the world stage?]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, (23), 110–121.

McWilliams, N. (2011). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process* (2nd ed.). Guilford Press.

Meftah, S., & Bektache, M. (2019). De l'ethos dit à l'ethos montré en (inter)action: E. Macron lors du débat de l'entre-deux-tours. *Studii de gramatica contrastiva*, (32), 91–106.

Post, J. M., & George, A. L. (2004). *Leaders and their followers in a dangerous world: The psychology of political behavior*. Cornell University Press.

Renshon, S. (1996). *The psychological assessment of presidential candidates*. New York University Press.

Rosanvallon, P. (2011). *La société des égaux*. Seuil.

Roy, O. (2022, April 28). *French elections, Macron's paradox: 'He won by losing'*. European University Institute. <https://www.eui.eu/news-hub?id=french-elections-macrons-paradox-he-won-by-losing.-analysis-by-olivier-roy>

Semeko, G. V. (2021). Neoliberal'nyy revansh Emmanuelya Makrona [The neoliberal revenge of Emmanuel Macron]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (3), 54–84. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.03>

Shestopal, E. B. (2023). Paradoksy politicheskogo liderstva [Paradoxes of political leadership]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 181–191.

Shmandurova, A. S. (2023). Pereosmyslenie osobennostei imidzha natsional'no-konservativnykh sil vo Frantsii i kontekst protsessa [Rethinking the image features of national-conservative forces in France and the context of the process]. *Kognitivnye nauki v informatsionnom obshchestve*, 3(4). <https://knio.ru/PDF/01KN423.pdf>

Zheltova, E. S. (2020). Politicheskaya kul'tura sovremennoy Frantsii i novaya formula vlasti Emmanyuelya Makrona [Political culture of modern France and the new formula of authority by Emmanuel Macron]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, (2 (63)), 56–61.

Zvereva, T. V. (2017). Emmanyuel' Makron: politicheskii portret [Emmanuel Macron: A political portrait]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii*, (2(12)), 21–32. (In Russ.).

Для цитирования: Стрелец, И. Э. Эмманюэль Макрон: политико-психологический профиль «назначенного лидера» / И. Э. Стрелец, Д. С. Мухортов // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 145-176. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-145-176.